

ТЕМУР МАМЕДЗАДЕ

Corvus Corax

Фантастический рассказ

Сегодня вдруг резко похолодало, а ближе к вечеру повалил снег. Давно я не видел такого красивого снегопада. Последнее время зимы и зимой-то не назовешь. Нескончаемые унылые дожди, изредка мокрый снег, мрачное серое небо и непролазная грязь проселочных дорог, это скорее – слякотная осень, а не зима, и все эти аномалии и причуды природы нагоняли на меня жуткую тоску. Телевизор я не смотрю, хотя на вилле моего кузена, где я живу в последнее время, есть шикарный телевизор во всю стенку и спутниковая антенна, но побродить по просторам интернета или прочитать хорошую книгу, – это я могу и очень даже люблю. Иногда, ближе к вечеру, мне становится особенно тоскливо (не помогает ни любимый томик рассказов О'Генри, ни передачи National Geographic о дикой природе и жизни животных). Тогда я сажусь в глубокое кресло у горящего камина и смотрю на пылающие поленья, попыхивая трубкой и потягивая виски из стакана.

Лет десять тому назад Томас (это мой двоюродный брат и единственный мой настоящий друг) окончил магистратуру в престижном университете Лондона по специальности «Информационные системы и технологии» и перед отъездом домой заглянул ко мне в гости. Я тогда жил в пригороде, потому что люблю природу и равнодушен к животным (должен отметить, что я не люблю больших городов, тем более, мегаполисы) поэтому Лутон, расположенный в южной части графства Bedfordshire в полусотне километров от Лондона, устраивал меня во всех смыслах. С одной стороны, живешь в городе со всеми вытекающими из этого обстоятельства плюсами, а с другой – шикарная природа, много красивых парков, живописных озер, река и, наконец, вишенка на торте – великолепный зоопарк! В то время я был владельцем процветающей фирмы, специализирующейся на поставках оргтехники и канцелярских товаров для офисов, которая приносила мне стабильный доход. Одним словом, я уверенно стоял на ногах и вплоть до недавнего времени считал себя вполне успешным, а временами даже счастливым человеком, но... буквально на днях я развелся со своей женой, с которой прожил в браке всего лишь неполных три месяца. Моя попытка перейти на новый уровень отношений и связать себя узами Гименея с понравившейся мне женщиной потерпела полный провал, и это произошло не по моей вине. В то время я, несмотря на уже зрелый возраст, был наивен настолько, что все еще доверял людям. Я верил словам, заверениям в дружбе и даже признаниям в любви ... наивный лох! Слова – это мираж, абстракция и фикция, а еще это паутина, в которую тебя сначала заманят, а когда ты в ней хорошенько запутаешься, сожрут с потрохами. Поступки и конкретные действия – вот что должно быть мерилом в твоих отношениях с окружающими людьми. Но это я понял поздно... уже после развода, который очень многому меня научил. На протяжении целой недели я не мог прийти в себя из-за потрясения от предательства близкого, как мне казалось, человека, потому что никак не мог понять ход мыслей и психологию этой женщины. Если тебе так сильно нравился этот сноб с лошадиной физиономией и вечно сонным выражением лица с твоей работы... ну и выходила бы за него замуж! Тем более, как это выяснилось буквально накануне развода, вы, оказывается, были знакомы с ним намного ближе, чем это полагается просто коллегам по работе, задолго до того, как я

появился в твоей жизни. Но когда я стал прокручивать перед своим мысленным взором всю историю нашего знакомства и период совместной жизни, скрупулезно анализируя причины моего фиаско с женитьбой, я вдруг понял, что она, флиртуя со мной и даже выходя за меня замуж, преследовала одну единственную цель – заставить ревновать своего бывшего хахала. И как только этот самодовольный напыщенный индюк вновь воспылал к ней страстью, она, не задумываясь, подала на развод. Едва я понял её мотивы, мне стало намного легче, и вскоре я вновь обрел душевное равновесие. Я не ханжа, но хоть мы и живем в современном мире, считаю, что лицемерие и подлость не украшают человека... тем более женщину. В результате своих размышлений я также понял, что должен быть благодарен Судьбе за то, что она испытала меня на прочность и преподала мне суровый урок на всю оставшуюся жизнь... что я пожелал Нэнси на прощание?

– Флаг тебе в руки, детка, и барабан на шею, – сказал я ей честно, – ...ты сделала свой выбор и, надеюсь, не прогадала.

А теперь вернемся к Томми. Итак, мой двоюродный брат решил навестить меня перед отъездом (чему я был несказанно рад) и мы с ним хорошо посидели: выпили, поговорили «за жизнь», о моих и его планах на будущее, ну, все, как обычно. Когда мы приканчивали вторую бутылку «Jameson» (Томми предпочитает эту марку ирландского виски всем остальным за его терпкий выдержанный вкус), он вдруг разоткровенничался и рассказал, сколько он остался должен за обучение, и о том, что у него есть гениальная идея, но пока нет свободных денег, чтобы воплотить её в жизнь. Короче, засиделись мы с ним допоздна, вспоминая школьные годы, общих знакомых и забавные истории из детства, а утром я проводил его в аэропорт, и он улетел в Бирмингем. Должен отметить, что мы с Томми росли вместе, и хотя он моложе меня всего на пару лет, я всегда присматривал за ним в школе и на улице, как старший брат, и был его единственным другом. Наши отцы – родные братья, и наши семьи жили по соседству вплоть до тех пор, пока дядя, соблазвившись хорошим заработком, не переехал на Туманный Альбион, во второй по величине город Великобритании Бирмингем. По этой причине мы разлучились с Томми на несколько лет, но связи не теряли. Затем мы оба почти одновременно поступили в университет, он в Англии, а я у себя дома, в Штатах. После окончания университета я решил переехать в Лутон, чтобы быть поближе к Томми, который еще учился в Лондоне, и занялся бизнесом. Я преуспел, торгуя компьютерами, меловой бумагой, ластиками, карандашами и прочими прелестями, без которых не представляет своего существования ни один мало-мальски уважающий себя бюрократ или конторский служащий. Тем временем Томми, окончив университет, почти год мотался по свету, пытаясь найти себе место в жизни, а заодно и работу по душе, но вдруг... неожиданно поступил в магистратуру.

– Не подвернулось ничего путного, вот и решил пока продолжить грызть гранит науки, – коротко объяснил он мне свой маневр и достал расческу из кармана пиджака.

«Зная твой характер, Томми, не думаю, что найдется хоть один работодатель, условия труда которого могли бы удовлетворить твою щепетильную натуру и всех тараканов в твоей голове, – глядя на то, как он тщательно, с педантизмом, достойным лучшего применения, расчесывал свои волосы на пробор, подумал я, – ... поэтому ты правильно сделал, что решил продолжить обучение». Должен отметить, что Томми с детства был очень толковым и дальновидным парнем, и пока я в поте лица делал деньги, он решил работать на перспективу и продолжил углублять свои знания в области информационных систем и технологий... но я отвлекся.

Итак, на следующий день после отъезда Томми я, поразмыслив на трезвую голову о его планах, решил поддержать начинающего бизнесмена материально, хотя он

меня об этом не просил. Дело в том, что несмотря на то, что я ухлопал уйму денег на бракоразводный процесс, а до этого на капризы Нэнси, ублажая ее непомерные аппетиты во время походов по бутикам, обувным магазинам и ресторанам, у меня еще оставалась приличная сумма денег, которыми я был готов бескорыстно поделиться с моим другом. Короче говоря, вечером я позвонил Томми по скайпу и предложил ему свою помощь – во-первых, мой огромный жизненный опыт, на второе ему было предложено мое крепкое мужское плечо (на которое он мог опереться в трудную минуту) и, наконец, главный козырь... мой кошелек.

Томми, не задумываясь, отказался от второго пункта, ехидно заметив, что не такое уж оно у меня крепкое и надежное, как мне кажется, поскольку я дважды вывихнул это хваленое плечо на соревнованиях по регби.

– Трижды... – невозмутимо поправил я своего оппонента и, по-отечески снисходительно глядя ему в глаза, добавил торжественным тоном: – Томас Маккензи, ты всегда был тормозом и, несмотря на магистерскую степень, остаешься им и поныне. «Крепкое мужское плечо» – это была всего лишь фигура речи... – продолжал я развивать свою мысль, но заметив противную ухмылку Томми во весь экран, сменил пластинку и кротко спросил: – Что ты думаешь насчет первого пункта?

– Что касается вашего бесценного опыта, то к нему я отношусь с большим уважением. Скажу вам больше, сэр, я отношусь к нему с величайшим благоговением, – продолжал издеваться над моими сединами этот засранец, – но опытный маркетолог мне понадобится только на втором этапе, после разработки и внедрения в производство моей гениальной идеи. Что же касается вашего кошелька, то тут, увы, все зависит не только от его объема или размера, но и от глубины пропасти, в которую вы, высокочтимый сэр, будете готовы пасть в случае неудачи с моей затеей.

Должен отметить, что Томми с раннего детства был жутким занудой и упрямым педантом. Одним словом, засранец, которому вечно надо было что-то доказывать, раскладывать все по полочкам, затем развесить бирки и пронумеровать, чтобы этот тормоз начинал, наконец, действовать. Правда, после того, как он, уяснив для себя задачу и расставив главные приоритеты, начинал действовать, его уже никто и ничто на свете не могло остановить: хватка у этого прошельги с ангельским выражением лица была бульдожья, а упертым он был, как баран.

... помню, каких огромных трудов мне тогда стоило его уговорить подложить жабу в портфель моей соседке по парте Саре, за которой я начал ухаживать в четвертом классе, но был грубо ею отшит. Эта маленькая фурия, невинно хлопая длинными пушистыми ресницами, нагло заявила, что не дружит с мальчиками, которые ходят в школу пешком. Вскоре я выяснил, что ей нравится Джимми – белобрысый пижон из соседнего класса, которого подвозил в школу на шикарной машине его папаша. План мести созрел у меня в голове моментально, но вот с Томми пришлось повозиться, потому что он зрел не так быстро, как мне бы хотелось. Три долгих томительных дня мне пришлось его уговаривать и всячески ублажать (для этого мне даже пришлось разбить свою копилку, чтобы иметь возможность водить его кататься на карусели и при этом покупать ему ванильное мороженое, от которого он был без ума), но оно того стоило!

Солнечным утром того памятного дня визжала не только моя соседка по парте, но и все девчонки нашего класса, включая молодую учительницу. Признаться, я тоже заорал вместе с ними, но не от страха, а скорее от неожиданности, когда произошло это событие. К счастью, мой голос не был услышан в наступившем хаосе, и это обстоятельство спасло мое реноме.

... что произошло тем утром? ... в тот день Сара пришла на уроки в новом и очень красивом платье, чем вызвала огромный ажиотаж среди девчонок нашего класса, которые моментально столпились вокруг этой кокетки и стали трещать, обсуждая её обновку. Тем временем Сара, убедившись, что произвела должное впечатление,

чатление на своих подружек и весьма польщенная всеобщим вниманием, величественно водрузила портфель на парту и широко его распахнула, чтобы достать свои тетрадки и книги... и вот в этот самый момент из развернутой пасти портфеля вдруг неожиданно резво и очень высоко выпрыгнула здоровенная жаба!!! ... На своем веку я повидал немало жаб и прочих не менее «привлекательных» представителей различных видов земноводных, но этот экземпляр был неописуем! Это была не просто жаба... это было огромное буро-зеленое пучеглазое Чудовище, которое своим неожиданным появлением произвело эффект разорвавшейся бомбы, а спустя три секунды эффект намного усилился, потому что вслед за этой тварью из портфеля на волю весело выпрыгивало небольшое стадо молодых зеленых лягушек...

... где Томми достал эту огромную жабу и столько лягушек, которые, кстати, не были оговорены с ним в контракте?! Но главное – когда и как он умудрился запихнуть весь этот зоопарк в портфель Сары? Для меня это осталось тайной, разгадку которой я не смог у него выпытать, несмотря на все мои потуги.

Должен отметить, что для меня это событие прошло без последствий. У меня было железное алиби – в тот день я зашел в класс одним из последних и благоразумно не приближался к парте и к своей жертве, вплоть до того момента, пока Сара не поставила свой портфель на парту. Недаром говорят: мечь – это блюдо, которое подают холодным. Трезвый расчет плюс виртуозная обработка исполнителя и в результате – я был вне всяких подозрений, мое уязвленное самолюбие было удовлетворено, а Томми честно отработал свое морозное.

Но я отвлекся. Итак, мы продолжали препираться и обмениваться колкостями с Томми по скайпу до тех пор, пока у него не иссяк запас желчи. После чего мне пришлось еще битый час объяснять и доказывать этому чистоплюю, что глубина моего кошелька превышает ту сумму, которую он озвучил, будучи под сильной мухой у меня в гостях, а на случай падения в финансовую пропасть у меня имеется парашют в виде недвижимости...

... он сдался только после моих клятвенных заверений, что мой бизнес ни в коем случае не пострадает в результате предоставления ему кредита, потому что эти деньги я не изымаю из оборота – они просто лежат без дела в банке и не приносят мне никакой пользы. Короче, он согласился, но с одним условием. Деньги он возьмет только в том случае, если я пообещаю ему, что мы станем компаньонами на равных паях, когда его авантюра увенчается успехом, иначе он отказывается от моей помощи. Я принял его ультиматум только потому, что хотел, чтобы Томми взял эти деньги – ведь я с самого детства всей душой любил этого замечательного человека за его кристальную честность, надежность и глубокую порядочность. Такие люди нечасто встречаются в жизни, и мне крупно повезло, что у меня есть Томми. Поэтому, когда я принял решение спонсировать его, я сделал это из лучших побуждений и не преследовал никаких меркантильных интересов, я даже не думал о том, что его затея может выгореть, и спустя короткое время мы с ним станем не просто состоятельными, а очень богатыми людьми.

Вскоре после этих событий в моей привычной и налаженной жизни произошел резкий перелом. Видимо, Судьба решила вновь меня испытать. Обычно перед тем, как уснуть, я, лежа в теплой постели, прокручиваю перед мысленным взором события минувшего дня, анализируя свои решения, принятые на работе, совершенные ошибки и прочие свои поступки. Той ночью особо анализировать было нечего, так как рабочий день прошел идеально, и мои мысли переключились на собственную персону, но чем больше я думал о себе, тем мрачнее я становился. Материально я обеспечен, как говорится, грех жаловаться. Моя фирма процветает и расширяется. У меня хороший просторный дом, машина класса люкс и прочие атрибуты, демонстрирующие миру удачливого бизнесмена и состоявшегося человека ... но какую цену я за все это заплатил?!... и продолжаю платить до сих пор... а стоило ли оно того?!

... работать я начал, едва окончил университет, и с тех пор пашу в поте лица, как проклятый раб на галерах... я забыл, когда в последний раз брал полноценный отпуск, и не помню, когда я выбирался на рыбалку или просто отдыхал на природе. А ведь я выбрал местом жительства Лутон, чтобы иметь возможность чаще бывать на природе! Разве такой жизни я себе желал... об этом ли я мечтал? ... с меня довольно, – наконец решил я в два часа ночи и сразу же уснул сном праведника.

На следующий день, ближе к полудню, я вызвал в свой кабинет перспективного молодого человека (моего главного менеджера по продажам) и без лишней волокиты прямо ему заявил.

– Послушай, старик, что я тебе скажу... мне почти тридцать пять, а свой первый седой волос я заработал, когда мне стукнуло тридцать лет и с тех пор этой дряни на моей голове меньше не становится, и растет она быстрее, чем мои счета в банке...

Едва я начал говорить, мой собеседник – серьезный молодой человек в очках из роговой оправы, который до этого не был замечен мною в беспричинном зубоскальстве на работе, тем более, когда обсуждались важные вопросы, – вдруг расплылся в широкой улыбке. Чтобы выяснить причину разнузданного веселья моего подчиненного, мне пришлось прервать свою торжественную речь, чем не замедлил воспользоваться мой визави:

– Вчера я просматривал кое-какие документы...

– И...? – спросил я, с нетерпением глядя на собеседника.

– Судя по одному из них, этим летом вам исполнится сорок...

– Ты такой же зануда, как мой кузен, – проворчал я недовольно, – пойми и запомни на всю жизнь, Абрахам: не важно, сколько тебе лет по документам, важно то, на сколько лет ты себя ощущаешь. Вот в данный момент я ощущаю себя лет на тридцать... ну, максимум на тридцать пять... – и, обратив внимание на то, что мой собеседник все еще остается на ногах, спросил: – Ты чего стоишь? Садись за стол, но сначала, сделай мне одолжение, прихвати виски и стаканы из бара.

– А не рановато еще для виски, шеф? – глянув на часы, спросил Абрахам.

– Не рановато... – огрызнулся я незлобливо, – и прекрати обзывать меня шефом, – добавил я раздраженно, когда он отошел от стола и направился к бару. (На работе все сотрудники зовут меня по имени, и это требование относится ко всем без исключения).

– Извини, Гарри, – сказал Абрахам, возвращаясь к столу с выпивкой и стаканами, – я все время забываю об этом пункте нашего устного трудового соглашения.

Открыв бутылку «Chivas Regal» 18-ти летней выдержки, я разлил этот божественный напиток по стаканам и успел сделать первый глоток, пока мой собеседник поудобнее устраивался в кресле, стоящем напротив меня.

– Имя Абрахам, кажется, еврейское и значит «отец народов»? – начал я разговор издалека, но затем сразу перешел к сути: – Не хочешь ли ты, Абрахам, стать отцом для дружного коллектива нашей фирмы?

– В каком смысле? – спросил озадаченный молодой человек.

– В прямом... – ответил я коротко и отпил очередной глоток виски. – Дело в том, что вчера ночью я вдруг понял, что ужасно устал. Годы упорного труда не прошли для меня бесследно... и сейчас я чувствую себя глубоким стариком, плечи которого устали носить непосильную ношу ответственности за процветание нашей фирмы...

– Если мне не изменяет память, еще минуту назад вы говорили, что вам нет и тридцати, – не без ехидства заметил Абрахам и почесал переносицу, которую ему натерли очки.

– Она тебе изменяет, сынок, – сказал я, нагло глядя на собеседника, – или ты ослышался...

– У меня абсолютный слух, Гарри, – парировал этот упрямец, – что же касается проблем с моей памятью, то я могу прямо сейчас на спор составить список дебиторской задолженности всех наших клиентов и написать от руки текст любого договора о поставках на ваш выбор.

– Ладно, Абрахам, не кипятись, – примирительным тоном сказал я, – ну что ты сразу полез в бутылку, я вовсе не хотел тебя обидеть. Вот что ты такой дотошный, прямо как мой кузен Томми, он, как и ты, вечно придирается к моим словам и оговоркам. Ну, может минуту тому назад я и ощущал себя на тридцатник, но прошлой ночью я точно чувствовал себя стариком. Короче, вопрос с моим возрастом будем считать закрытым, а теперь перестань меня перебивать и выслушай, зачем я тебя вызвал.

Мой собеседник откинулся на спинку кресла и приготовился слушать, а я, выдержав паузу, продолжил.

– Так вот, Абрахам, я собираюсь уйти на покой, а чтобы за время моего отсутствия наша фирма не накрылась большим медным тазом, мне будет нужен надежный человек в качестве исполнительного директора... и лучшей кандидатуры на эту должность, чем ты, я не вижу.

Брови моего визави медленно поползли вверх, пока не уперлись в оправу очков, а глаза его чуть не повылазили из орбит. Я был весьма доволен произведенным эффектом и, залпом осушив стакан с виски, потянулся за бутылкой, наблюдая за реакцией моего собеседника. Тем временем Абрахам несколько раз открыл рот, но ничего не сказал... затем, озадаченно почесав переносицу, он одним большим глотком допил свой виски и, сняв очки, уставился на противоположную стенку.

– Ну,... что ты на это скажешь? – спросил я.

– А как же вы? – наконец ответил Абрахам.

– Обо мне можешь не беспокоиться, – сказал я с усмешкой, – я стану сибаритом и проведу остаток жизни в удовольствиях и праздности.

Короче, к концу рабочего дня у меня уже был исполнительный директор, и я с чувством хорошо выполненного долга отправился домой...

... посадив вместо себя за весла на галере Абрахама, я получил относительную свободу, и это был для меня первый подарок Судьбы. На радостях я объездил все озера и живописные места в окрестностях Лутона, несколько раз побывал на рыбалке и наконец сходил в музей ... одним словом, впервые за многие годы я стал жить в свое удовольствие.

После развода я долгое время избегал серьезных отношений с противоположным полом и, едва почуяв малейший намек на углубление отношений со стороны наиболее притких представительниц прекрасной половины человечества из числа моих близких знакомых, не задумываясь, давал стрекача (как говорится, обжёгшись на молоке, дуешь на воду).

Это продолжалось до тех пор, пока одним солнечным погожим днем, будучи в зоопарке, я совершенно случайно не встретил удивительную девушку у вольера с дикими собаками, где я с интересом наблюдал за рыжими австралийскими красавцами. Мы познакомились, когда у нее села батарея на мобильном телефоне. Она стояла у вольера буквально в двух шагах от меня, когда ей позвонили на мобильный, и едва она успела ответить на вызов (насколько я понял, звонила ее мама), как ее телефон отключился, она попыталась реанимировать отказавшую технику, но ее усилия оказались тщетными. Заметив, что она попала в затруднительное положение, я, несмотря на риск быть обвиненным в харрасменте, решил предложить симпатичной незнакомке воспользоваться моим телефоном. Она на секунду замешкалась, но, окинув меня быстрым оценивающим взглядом, посмотрела мне в глаза и, верно, решив,

что я предлагаю свою помощь искренне, без всяких задних мыслей и похотливых помыслов, взяла мой телефон. Благодарно кивнув мне головой, она отошла в сторону и, набрав номер, закончила прерванный разговор. Спустя короткое время она вернула мне телефон со словами благодарности и извинилась за причиненные неудобства (ведь, возможно, я торопился, но из-за неё был вынужден задержаться). Я взял у нее телефон и рассмеялся, а затем, немного подумав, сказал, что, на мой взгляд, я не очень похож на человека, который куда-то спешит, потому что праздно провожу свое время в зоопарке у вольера с австралийскими эндемиками *Canis Lupus Dingo*.

Поскольку этот эпизод является ключевым моментом нашего знакомства с Оливией, я вынужден описать его более подробно и разложить все по полочкам.

Итак, вернув мне телефон, она уже собиралась уходить (как воспитанный человек, она соблюдала все приличия – поблагодарила за оказанную помощь, извинилась за причиненные неудобства и попрощалась), в ответ я мог просто кивнуть ей головой, и на этом бы все закончилось.

Но тут в игру вступила Судьба, у которой были свои планы на мое будущее...

... почему я рассмеялся, хотя понимал, что мой беспричинный смех выглядит довольно глупо? Признаться, я и сам не знаю, но мой смех вынудил незнакомку задержаться, что дало мне возможность произнести короткую речь, в которую я умудрился впихнуть заумное словечко – эндемик – и при этом блеснул своими познаниями в латыни. Моя собеседница вначале просто улыбалась, отрешенно слушая меня из вежливости, но едва я произнес «австралийскими эндемиками», я сразу заметил в ее глазах удивление, которое переросло в неподдельный интерес, когда я выдал напоследок «*Canis Lupus Dingo*»...

... дело в том, что природа и наследственность наградили меня довольно внушительными габаритами: у меня рост под два метра, огромные кулаки, мощная мускулатура и короткая борода, которую я стал недавно отращивать. Одним словом, выгляжу я как разбойник с большой дороги или заблудший викинг, случайно оказавшийся не в том месте. Поэтому Оливия очень удивилась и, как ни старалась, не могла этого скрыть. Это все равно, что в ресторане с вами вместо официанта вдруг заговорит стол, за которым вы сидите. Честно говоря, я уже давно привык к такой неоднозначной реакции окружающих на мою колоритную внешность, резко контрастирующую с уровнем моего интеллекта, поэтому ждал, как на это отреагирует Оливия, которая тем временем молча размышляла. Наконец, видимо, решив устроить мне небольшой экзамен, она, глядя на меня честными голубыми глазами, в которых я заметил лукавые искорки, спросила, наивно похлопывая длинными ресницами:

– А как будет называться на латыни, ну... например... лошадь?

Я мысленно усмехнулся ее хитрому ходу и принял вызов:

– Все зависит от того, какая это лошадь, – ответил я уклончиво, на что она криво усмехнулась. Хотя мне очень понравилась ее ухмылка, от которой у нее появились ямочки на щеках, я правильно оценил ее значение – «ну, конечно... вызубрил пару терминов на латыни и пускает пыль в глаза наивным девушкам». Поэтому, выдержав небольшую паузу, я продолжил: – ...если это обычная рабочая лошадь, тогда будет *equus equa caballus*, а если это верховая лошадь, то это *equus sellarius*, но если речь идет о необъезженной лошади, тогда...

– ... *equus intractatus*... – закончила Оливия вместо меня и весело рассмеялась.

Пришел мой черед удивляться, впрочем, я тоже этого не скрывал. Слово за слово, и вскоре выяснилось, что у нас с Оливией есть куча общих интересов, которые мы непременно должны обсудить. Короче, мы чудно провели с ней всю оставшуюся часть дня. После лошадей (видимо, на это оказало свое влияние соседство вольера с дикими собаками) мы обсудили достоинства книг Джека Лондона «Белый клык» и «Майкл, брат Джерри». Спустя час мы уже сидели с ней за столиком в кафе зоопарка, где она удивила меня не только глубоким знанием литературы о животных,

но и познаниями в области кулинарии. Оказалось, что она умеет и любит готовить всякие вкусности для себя и своей мамы, потому что не любит еду из ресторанов и по этой причине, в основном, питается дома. Вскоре выяснилось, что она не только прочитала всего Джека Лондона, но и знакома с трудами Альфреда Брэма. А когда я спросил о Джеральде Даррелле, она, не задумываясь, перечислила с полдюжины его произведений, особо отметив его трилогию «Моя семья и другие звери», «Птицы, звери и родственники» и «Сад богов», которую она любит с детства. Сказать, что я был удивлен, значит не сказать ничего. Я был просто потрясен этой очаровательной девушкой, с которой никто из моих знакомых не мог сравниться. Она была невероятно красива и добра, и кроме того у нее было великолепное чувство юмора. Но самое главное, к моей огромной радости выяснилось, что она, несмотря на все свои достоинства, была до сих пор не замужем. Короче говоря, спустя короткое время я женился, и на этот раз весьма удачно... я души не чаял в своей избраннице и знал, что мои чувства к ней были взаимны. Она прекрасно готовила и любила кормить меня блюдами итальянской кухни (её мама была родом с Сицилии), но главное – она создала уют в моем просторном доме, которого мне так не хватало после того, как я съехал от родителей и начал жить самостоятельно. Прошел год со дня моей женитьбы, а я по-прежнему был счастлив, потому что чем больше я узнавал Оливию, тем больше ее любил, а к этому чувству вскоре стало примешиваться ещё и чувство огромного уважения к ней, как к личности, потому что она была невероятно добрым и глубоко порядочным человеком. Оливия была вторым и самым значимым для меня подарком судьбы. И, наконец, последний бонус – благодаря гениальной разработке моего кузена на мои счета в банках устремился сначала робкий ручеек финансовых поступлений, который затем очень быстро перерос в мощный денежный поток. Казалось, живи и радуйся жизни... Но не зря сказано – бойтесь данайцев, дары приносящих. Говоря иными словами, если судьба вдруг начала широко тебе улыбаться, не стоит обольщаться: возможно, она просто решила показать тебе свои зубы. В глубине души я боялся, что такое везение не может продолжаться вечно – за все хорошее рано или поздно приходится платить, и я не раз убеждался в этом на своем личном опыте... увы, я оказался прав, и час, когда мне пришлось платить по счетам, наступил. В этот раз Господь не взял у меня деньгами... глупый случай лишил меня самого дорогого, что у меня было на свете – любимого человека ... и у меня внутри что-то оборвалось...

... чуть более года тому назад, за неделю до сочельника, мы с Оливией отправились в Штаты, чтобы провести Рождество вместе с моими родителями (должен отметить, что идея навестить моих предков исходила от Оливии).

В Нью-Йорке я предложил ей отдохнуть пару дней, чтобы прийти в себя после длительного перелета (Оливия плохо переносила самолеты), и мы сняли номер в Luma Hotel Times Square на Манхэттене. Вечером мы поужинали с ней в ресторане, а затем прогулялись по Центральному парку. Вернувшись в номер, я решил принять ванную, а спустя пару минут Оливия вдруг со смехом сообщила, что длительный перелет, видимо, сказался на ее умственных способностях и полностью отшиб ей память.

На мой вопрос – что с ней не так, она ответила, что забыла свою сумочку в парке на скамейке.

– Не велика беда, – сказал я лениво, – завтра купим новую.

– Но в новой сумке не будет моего телефона, документов, кредитных карточек и пары сотен баксов наличностью, – возразила она, заглядывая в ванную через дверной проем. Это был серьезный аргумент, поэтому я предложил ей подождать, пока я не присоединюсь к ней, чтобы вместе сходить за пропажей. На что Оливия, улыбаясь, заметила, что она идет на прогулку не в дикие джунгли, а всего лишь в парк, где гуляет куча народу, и на каждом углу стоит полицейский. Я согласился и дальше не-

житься в ванной, как мне посоветовала Оливия, а она вышла из номера. Спустя час, не дождавшись Оливии, я спустился в парк и стал прогуливаться по дорожке, ведущей к нашему отелю, чтобы не разминуться с ней, когда она будет возвращаться, но она так и не пришла. Я обошел весь парк, но она будто сквозь землю провалилась. Спустя полчаса я поднял по тревоге всю полицию Нью-Йорка, но, увы, ее так и не нашли. Прошла неделя, в течение которой я почти не ел и не мог уснуть, ожидая известий о своей любимой. Наконец мне позвонили из полицейского участка и попросили зайти к ним, если я не занят и располагаю свободным временем. Я сломя голову помчался на вызов. Меня вежливо встретили у входа и препроводили в кабинет начальника участка. Пожилой, убеленный сединами мужчина, с участием глядя на меня, сказал, что понимает меня, как человека, и очень сочувствует моему горю, но в последние годы исчезновение людей увеличивается не только у нас в стране, но и во всем мире. Эту напасть уже называют «тихой эпидемией», и в США только по официальным данным ежегодно пропадает более миллиона человек. Согласно статистике, каждую минуту в полицейские участки поступают три сообщения о пропавших людях. На мой прямой вопрос – чего он хочет от меня конкретно, и зачем он вызвал меня в участок, если у него нет никакой информации о судьбе пропавшей Оливии, он смущенно ответил, что на него оказывают сильное давление в связи с этим происшествием, хотя он задействовал в этом деле своих лучших людей и делает все от него зависящее. Поэтому он просит меня впредь не подключать моих влиятельных друзей и немного ослабить давление, оказываемое на его участок, ибо это только мешает профессиональной работе его ребят...

... французы говорят – ищите женщину, я же говорю – ищите Томми...

... дело в том, что эту кашу заварил Томми. У него был близкий товарищ... курсник, который очень гордился своим отцом – конгрессменом, и Томми, едва узнав о несчастье, свалившемся на мою голову, незамедлительно обратился к своему приятелю и попросил его надавить на папашу, чтобы тот посодействовал в поисках Оливии, что тот и сделал....

... прошла неделя, но Оливию так и не нашли. Я был вынужден вернуться из Нью-Йорка домой и с тех пор живу по инерции – ем не потому, что проголодался, а потому, что пришло время обеда, ужина или завтрака. Ложусь в постель не потому, что хочу спать, а потому что так принято у нормальных людей ... кузен первое время ни на шаг не отходил от меня, а спустя пару недель, заметив, что я никак не могу прийти в себя после трагедии, настоял, чтобы мы сходили к врачу. Ну, к врачу так к врачу, я-то знал, что не болен... я просто потерял вкус к жизни, а это не лечится ни таблетками, ни внушением. После всевозможных процедур и утомительных бесед с мозгоправом, которые, как я и предполагал, оказались бесполезными, Томас решил, что не врачи, а смена обстановки и новые впечатления – вот то, что мне нужно. Я особо не возражал, и мы с Томми в течение месяца объездили полмира, нигде особо не задерживаясь, но, увы... мне по-прежнему было наплевать с высокой колокольни на все соблазны этого мира. Единственное, что меня еще беспокоило, это то, что я причиняю столько хлопот своему другу (бедняга не знал как меня утешить или развлечь). Поэтому, когда мы прибыли в Америку (где мы первым делом навестили моих родителей, а затем заехали на ранчо Томми, где он должен был решить лично кое-какие дела), я заявил ему, что хочу остаться здесь на некоторое время. Я объяснил свой каприз тем, что мне очень понравилось его ранчо и, если он не возражает, хотел бы пожить здесь немного в тишине на природе, чтобы собраться с мыслями. Хотя на самом деле я просто хотел избавиться от своего тягостного присутствия, потому что стал ужасно раздражительным и вел себя с окружающими как последняя свинья. Томас был очень рад, что меня наконец-то хоть что-то заинтересовало, и вскоре отбыл по своим делам, а я остался на ранчо.

Охотничий домик, как его называл мой кузен, в действительности оказался комфортабельной виллой с множеством спален, ванных комнат, домашним кинотеатром, бильярдной, крытым бассейном и прочими, на мой взгляд, излишествами. Весь первый этаж виллы занимал огромный холл, в котором помимо кресел, диванов, огромного бара, пестрых восточных ковров, разбросанных по паркету и развешанных по стенам, был еще и огромный аквариум на полторы тонны воды, в котором плавала, как мне показалось поначалу, огромная одинокая щука. Заметив мой изумленный взгляд, управляющий, который в данный момент знакомил меня с владениями кузена, встрепенулся и заговорил с удвоенным энтузиазмом. Оказалось, что щука эта вовсе не щука, а рыба-дракон или арована.

– Согласно фен-шуй, арована – это могущественный талисман, который приносит человеку несметное богатство, счастье и здоровье... – с воодушевлением начал пороть чушь управляющий, но я сразу перестал его слушать, потому что на дух не переношу разговоры про мистику, всякие фен-шуй и прочую лабуду. В разговор я включился, только когда управляющий спустился с заоблачных высот китайской философии на грешную землю и произнес фразу: – ... должен отметить, сэр, что стоит арована весьма недешево – от 50 тысяч долларов за особь....

– Вы хотите сказать, что Томми заплатил за это недоразумение, что пучит на меня глаза из аквариума, 50 тысяч долларов?! – спросил я, не скрывая своего изумления.

– Нет, сэр, – почтительно ответил управляющий, – это серебряная арована родом из Колумбии, они стоят не так дорого, как азиатские. Если вам интересно, я могу посмотреть накладные и уточнить цену за эту особь.

– Мне глубоко начхать на то, сколько она стоит, Джон, – ответил я честно, – и послушайте, старина ... ну что вы заладили... – нет, сэр... да, сэр! ... зовите меня просто Гарри, договорились?

– Как прикажете, сэр, – глядя на меня искренними зелеными глазами, невозмутимо промолвил управляющий, а я, раздраженно мотнув головой, отошел от аквариума.

Джон своими манерами и исполнительностью до ужаса напоминал мне Реджинальда Дживса, великолепно сыгранного Стивенем Фраем в телесериале, снятом по мотивам романов Вудхауза о молодом аристократе Бертраме Вустере и его камердире. «В конце концов, не мое дело, на что тратит свои деньги Томми, и кого он нанимает себе на службу», – подумал я, отходя от аквариума, и вскоре подошел к очень большой клетке, которая стояла на полу рядом с камином. Она показалась мне необитаемой, но тут я заметил сидящего на сухой дубовой ветке пепельно-серого попугая с крупным изогнутым клювом черного цвета и коротким красным хвостом, который, слегка наклонив голову, наблюдал довольно-таки ехидным взглядом за моими перемещениями.

– А это Жако, сэр, – подойдя к клетке, торжественным тоном провозгласил управляющий, будто речь шла не об обычном попугае, и в данный момент он представлял мне, по меньшей мере, Его Королевское Высочество герцога Эдинбургского. – Надеюсь, вы с ним подружитесь, – закончил говорить Джон, засовывая руку в карман пиджака.

– Как поживаешь, старый индюк! – завидев управляющего, неожиданно громко прокричал скрипучим голосом попугай и дико расхохотался... затем он вдруг сильно закашлялся, изображая кашель курильщика, да так ловко, что, закрыв глаза, можно было представить перед собой живого человека. Тем временем управляющий успел достать из кармана несколько крупных грецких орехов, расколотых пополам и, открыв дверцу клетки, положил их перед проемом дверцы на паркет. Завидев свое любимое лакомство, Жако издал победный клич, которому мог бы позавидовать самый страшный и могучий воин племени ирокезов, а вслед за этим разразился длинной ти-

радой на незнакомом мне языке... затем, ловко спрыгнув с ветки на пол клетки, он бодро зашагал к орехам.

– Что он сказал? – спросил я управляющего, потому что не понял ни единого слова.

– Он выразил мне свою крайнюю признательность за угощение, сэр, – напустил туману управляющий, но после моего многозначительного взгляда уточнил: – Как поживаешь, старый... – и так понятно, а «индюк» в переводе с военно-морского жаргона на гражданский язык означает – проверяющий.

– Спасибо за разъяснение, Джон, но я имел в виду последнюю фразу, которую этот серый комок перьев проорал голосом старого пьянчуги на иностранном языке, – продолжал я настаивать.

– Ах, это... – сказал Джон и заметно погрузстнел. – Должен признаться, сэр, что Жако иногда говорит по-русски, точнее, когда у него хорошее настроение, он выражает свои чувства на русском и... использует при этом, в основном, ненормативную лексику. Что касается конкретно его последней фразы, то... я не буду вам её переводить дословно, поскольку он виртуозно выматерился по-русски и, должен признаться, сэр, на этот раз он превзошел самого себя. Таких оборотов я от него ещё не слышал! Но мы должны его простить; Жако не виноват, что его первым хозяином оказался русский матрос, который обучил своего питомца матерным выражениям и передал ему весь свой богатый словарный запас, и у которого мистер Маккензи выиграл этого попугая в покер, когда был проездом в Сингапуре.

– Вы хотите сказать, что понимаете русскую речь на уровне её носителя? – спросил я, не скрывая своего удивления.

– До своего совершеннолетия я жил в Бруклине на Брайтон-Бич со своей бабушкой по материнской линии. Она чистокровная русская из весьма древнего аристократического рода, – ответил Джон с достоинством.

«Ну, теперь все понятно, – кивнул я, наблюдая за попугаем, который к тому времени успел доковылять до орехов и с удовольствием приступил к трапезе, – аристократизм Джона, его светские манеры и знание языка Пушкина и Толстого – от бабушки, а ненормативной лексики он, видимо, набрался на улицах Брайтона. Да-а, много, оказывается, я не знал про своего кузена Томми... фен-шуй, покер в значных заведениях Сингапура и управляющий – потомок русских аристократов... какие еще сюрпризы он мне приготовил?»

Тем временем Джон негромко присвистнул, и вскоре в помещение вбежал довольно-таки серьезный пес. Подбежав к нам, он, следуя едва заметному знаку управляющего, сел рядом с ним и устался на меня. Пес мне понравился сразу; это был уже взрослый доберман с аккуратно купированными ушами и хвостом... и с очень умным взглядом...

– Позвольте представить вам последнего обитателя этого дома, сэр, – сказал управляющий и, выдержав небольшую паузу, добавил: – Это Нерон и, если не возражаете, он хотел бы познакомиться с вами поближе.

Я не возражал, и Нерон, обойдя меня вокруг и всего обнюхав, посмотрел на Джона, тот одобрительно ему кивнул, и пес сел у моих ног, а затем, подняв голову, посмотрел мне в глаза. С того самого дня мы стали с ним неразлучны. К счастью, не оправдались мои опасения, что персонал будет мне докучать излишним вниманием: жил я уединенно, хотя на ранчо, кроме меня, постоянно пребывали – управляющий, сторож, горничная, которая следила за порядком в доме, повар и садовник. Они жили в двухэтажном строении на другом конце усадьбы, а на виллу приходили по мере необходимости. Кроме них, на ранчо жила еще куча народу, они ухаживали за скотиной, лошадьми и прочей живностью, но их я тоже видел изредка, только когда покидал дом, чтобы наведаться на ферму или птичник, или когда заходил в конюшню за лошадью, чтобы прокатиться на ней верхом по близлежащим окрестностям.

Должен отметить, что наездник из меня был никакой и поэтому мне пришлось взять несколько уроков верховой езды. Только после того, как я научился правильно сидеть в седле, меня, наконец, доверили Бесси – смирной пегой кобыле американской породы сэдлбред, которая знала ранчо и его окрестности намного лучше своего наездника и могла вернуть меня домой, если я вдруг ненароком заплутаю.

Вот коротко о том, почему мужчина в расцвете сил оказался в добровольном заточении на ранчо вдали от общества... говорят, время лечит все... очень хотелось бы в это верить, но пока... либо лекарю наплевать на своего пациента, либо наоборот. По крайней мере, на данный момент у меня, кроме живых и здоровых родителей, есть преданный пес, попугай-матерщинник, феншуйная рыба со стеклянным взглядом, красавица Бесси и, наконец, любящий меня Томми, который каждый день справлялся о моем самочувствии... не так уж и мало...

Итак, сегодня резко похолодало, а ближе к вечеру пошел снег. Я, как обычно, сидел в глубоком кресле у горящего камина и, попыхивая трубкой, потягивал виски из стакана, а когда пошел снег, стал наблюдать через окно, как крупные пушистые хлопья, покружив в воздухе, медленно опускаются на землю. Нерон лежал у моих ног на персидском ковре и, задумчиво глядя на горящие дрова в камине, изредка поводил ушами.

Спустя три четверти часа он вдруг вскочил на ноги и подбежал к окну (должен отметить, что окна в холле широкие и высотой почти до потолка). Понаблюдав некоторое время за снегопадом, Нерон развернулся и куда-то убежал, но вскоре появился вновь, держа в зубах свой теплый комбинезон. Делать нечего, пришлось вставать с удобного кресла и идти с ним на традиционную вечернюю прогулку. Сначала я оделся сам, затем надел на Нерона комбинезон и, натянув ему на лапы шкарные водонепроницаемые утепленные сапожки, которые были сшиты на заказ, наконец открыл дверь. Спустя пять минут мы с Нероном уже гуляли по заснеженным дорожкам усадьбы, а когда стало темнеть, зажглись лампы освещения. Белоснежный, искрящийся в свете фонарей, падающий пушистыми хлопьями снег создавал вокруг удивительную и загадочную картину. Будто ты случайно оказался в волшебной Нарнии, и за следующим поворотом тропинки тебе непременно встретятся принц Каспиан и Люси, а вместе с ними и Великий Лев Аслан. Дойдя до конца аллеи, я остановился, потому что на открытом пространстве снега намело намного больше, чем на дорожках... Нерон стоял рядом со мной, почти по грудь утопая в снегу. Я уже собирался развернуться и идти домой, когда Нерон вдруг наострил уши и глухо зарычал. Я посмотрел в том направлении, куда указывал мне пес, но ничего особенного не заметил; кругом было белым-бело, и на снегу не было заметно никаких следов, которые могли бы насторожить Нерона. Я потрепал по шее своего пса и собирался надеть ему поводок на ошейник, чтобы отвести его домой, но Нерон вдруг сделал два прыжка вперед по направлению к фонарному столбу и остановился под ним, а затем передними лапами принялся ворошить небольшой сугроб, что намело под фонарным столбом. Мне стало любопытно, что он там обнаружил, и я, утопая по колено в снегу, подошел к Нерону и тоже стал разгребать снег ладонями. Спустя тридцать секунд мои руки наткнулись на что-то мягкое, и когда я осторожно расчистил снег, то обнаружил огромного ворона, который был еще жив. Когда я взял его в руки, он оказал мне слабое сопротивление, пытаясь клюнуть меня за палец, и махал крыльями (точнее, одним крылом, потому что второе у него было неподвижно). Делать нечего, пришлось идти к Джону на поклон, чтобы решить эту проблему. Спустя короткое время мы с Нероном уже входили в квартиру управляющего, куда он любезно пригласил нас зайти, а сам тем временем удалился в смежную комнату и вскоре вернулся, но уже не в халате, в котором он встретил нас у порога, а в своем обычном рабочем костюме, застегнутом на все пуговицы.

– Чему обязан такой чести, сэр? – спросил он вежливым тоном.

– Мне срочно нужен наш ветеринар, – сказал я, поглаживая ворона, который хоть и был еще жив, но с каждым вздохом становился все слабее. – Я встречал его на ферме, но не знаком с ним лично, и поэтому посчитал, что будет лучше, если к нему обратитесь вы.

Джон, не задавая лишних вопросов, достал свой мобильный телефон и спустя тридцать секунд произнес:

– Добрый вечер, Оливер... Я тебя не побеспокоил? ... Где ты сейчас? ... Как раз идешь домой?! ... Отлично... Не мог бы ты заглянуть на минутку ко мне, есть неотложное дело ... Хорошо... Дверь будет открыта, так что можешь смело проходить сразу в гостиную.

Спустя короткое время в помещение вошел, на ходу протирая носовым платком запотевшие стекла очков, невысокий плешивый мужчина. Одет он был в помятый серый костюм, коричневые сапожки на толстой подошве и клетчатую сорочку с черным галстуком-бабочкой. Свою верхнюю одежду он, видимо, снял в прихожей и, судя по тому, как он ловко ориентировался в доме, было понятно, что ветеринар здесь довольно частый гость. Первым делом он подошел к бару и, налив себе солидную порцию виски, залпом осушил стакан, а затем, крякнув, помотал крупной головой.

– Не понимаю, как люди могут пить виски, когда на свете существует шампанское, – сказал он звонким голосом и, близоруко прищурив глаза, посмотрел на управляющего.

– Ты, наверное, ошибся бутылкой, Оливер, – невозмутимо произнес управляющий, – рядом с «Johnnie Walker» стоит початая бутылка «Вдова Клико», которую ты не успел допить вчера вечером.

Оливер пожевал губами и наконец, громко причмокнув, произнес:

– Правда? А я и не заметил... – и налил себе еще одну порцию виски, на палец выше предыдущей. – Знаешь, Джон, пожалуй, я был неправ... этот напиток чертовски хорош ... я только что ощутил пряные тона сухофруктов, изюма и немного вяленого чернослива, – сказал Оливер и, прикрыв глаза, медленно осушил второй стакан. Затем он стремительно подошел к столу и, сев на стул, спросил управляющего: – Зачем я тебе понадобился, Джон... к тому же так срочно и на ночь глядя? Только говори, пожалуйста, покороче, я чертовски устал... сегодня у меня был трудный день. Однорогая Люси никак не могла отелиться, и пришлось делать ей кесарево сечение... я только что закончил процедуру и шел домой, когда ты мне позвонил...

... и тут он, наконец, заметил меня. Я сидел на диване в другом конце комнаты, держа ворона на коленях и поглаживая Нерона, который сидел у меня в ногах, наблюдал за действиями ветеринара.

– Простите, сэр, – смущенно произнес доктор, – без очков я плохо вижу и поэтому не сразу вас заметил.

– Оливер, – сказал управляющий, глядя на ветеринара, – мистер Маккензи нашел в сугробе ворону и хочет, чтобы ты ее осмотрел.

Ветеринар, нацепив очки на нос, посмотрел в мою сторону и вскоре воскликнул:

– Это не ворона, Джон, а ворон... это *Corvus Corax*, точнее, *Corvus Corax Sinuatus*...

– Извините, док, – возразил я, – но я уверен, что я держу в руках не *Corvus Corax Sinuatus*, а *Corvus Corax Principalis*.

Оливер подскочил на своем стуле и, стремительно встав с места, подбежал к дивану, на котором я сидел. Поправив на своем длинном носу сползающие очки, он некоторое время изучал ворона, а затем уважительно посмотрел на меня.

– Да вы, сударь, оказывается, прекрасно образованы! По вам и не скажешь, что... ах, извините, сэр... – запоздало смутился он, сообразив, что сболтнул лишнего,

и, чтобы скрыть свою оплошность, продолжил засыпать меня вопросами: – Где вы заканчивали университет? Вы орнитолог? Я знавал одного выдающегося зоолога и классного специалиста, орнитолога Джеральда Маккензи ... мы встречались с ним на научных конференциях... кстати, он, случайно, не ваш родственник?

– Он мой отец, – получив возможность вставить хоть слово, сказал я и, набрав в легкие воздуха, хотел было продолжить, чтобы объяснить наконец ветеринару, зачем его вызвали в неурочный час, но мое признание только подстегнуло красно-речие чудаковатого собеседника.

– Да что вы говорите?! – всплеснув руками, воскликнул он. – Ну теперь понятно, откуда у вас столь глубокие познания в орнитологии... вы тоже зоолог, как и ваш батюшка?

– К сожалению, я не смог оправдать надежд своего отца, хотя он готовил меня к этому поприщу с детства, заставляя штудировать сотни книг по зоологии и орнитологии, – вынужден был я поддержать этот странный разговор, хотя меня уже начинала раздражать излишняя любознательность моего собеседника.

– А кто вы по профессии? – не замечая моего недовольства, продолжал допытываться Оливер.

– Я окончил Бостонский университет по специальности «Бизнес и менеджмент», – еле сдерживая себя, чтобы не нагрубить, ответил я, согрелая на коленях полуживую птицу, которую после осмотра доктора укутал в плед, что валялся на диване рядом со мной.

– Как интересно! – продолжал испытывать мое терпение Оливер и задал очередной вопрос: – А почему вы вдруг решили заняться бизнесом?

Я мысленно досчитал до десяти и, немного успокоившись, посмотрел на настырного ветеринара.

– Дело в том, что у меня была подружка в школе, классная блондинка... такая, знаете... с ногами от ушей... высокой грудью и упругой попкой... – ... челюсть моего пожилого собеседника отвисла, а брови его медленно поползли вверх, то ли от моей наглости, то ли от неслышанной пошлости, которых он не ожидал от меня услышать, а я тем временем продолжал: – Так вот... она готовилась поступать в Бостон, ну, а я, чтобы не разлучаться с такой красоткой, решил стать студентом в этом же учебном заведении.

– Надеюсь, вы были с ней счастливы, – наконец смог выдавить из себя Оливер.

– Увы, в первый же семестр она завалила все экзамены и вернулась домой, – тяжело вздохнув, ответил я. – А мне пришлось заканчивать обучение в одиночестве, долгими ночами со слезами на глазах вспоминая ее белокурые локоны и прочие ее прелести. Вот такая грустная история, док... – закончил я говорить и с мольбой посмотрел на управляющего, ища у него поддержки, потому что не был уверен, что смогу продолжать держать себя в рамках приличия, если Оливер начнет снова задавать мне вопросы.

Джон стоял в двух шагах от меня и чуть сбоку от Оливера и, наблюдая за нашим разговором, утирал носовым платком слезы, выступившие у него на глазах от беззвучного смеха, его плечи сотрясались, и мне показалось, что пару раз он даже хрюкнул, едва сдерживая себя, чтобы не расхохотаться.

Быстро сообразив, что от Джона в его нынешнем состоянии толку не будет, я решил взять, как говорится, быка за рога самостоятельно и произнес тоном, не терпящим возражений.

– Оливер, я честно ответил на все ваши вопросы, а теперь предлагаю вам без лишних разговоров заняться наконец этой бедной птицей и сделать все возможное, чтобы она не сдохла.

До Оливера наконец дошло, зачем его вызвали по тревоге на ночь глядя, и он засуетился.

Он бережно взял у меня из рук ворона, а затем отнес его поближе к свету от настольной лампы, на письменный стол Джона, с которого управляющий еще до прихода ветеринара убрал все лишнее и расстелил кусок клеенки. Склонившись над вороном, Оливер некоторое время тщательно его осматривал и наконец вынес свой приговор.

– Вы оказались правы, сэр, это действительно *Corvus Corax Principalis*, кстати, это самец и довольно взрослый, потому что вырос до максимального размера, характерного для этого подвида. Длина его тела почти 27 дюймов, а размах крыльев достигает пяти футов... *Corvus Corax Sinuatus* до таких размеров не вырастают, да и клюв у них намного уже и меньше. Сейчас конец февраля, самое время, когда вороны размножаются. Видимо, он летел к своему гнезду, когда какой-то бездельник пальнул по бедной птице от нечего делать, а возможно, это был случайный выстрел... одним словом, его подстрелили, сэр. Но жить он будет. С вашего позволения я заберу его в свой кабинет и там его подлатаю, надо будет вытащить из него пару дробинок, наложить шину и перебинтовать крыло. Не беспокойтесь, сэр, с ним все будет в порядке. Кстати, что вы собираетесь с ним делать дальше?

– Пока поселю его в клетке Жако, а когда он окончательно выздоровеет, посмотрим... – ответил я, немного подумав.

– Отличная идея, – согласился Оливер. – а насчет его питания можете не беспокоиться, я составлю такое меню, от которого он будет в восторге, и буду присылать вам еду по мере надобности.

– Спасибо вам огромное, док, за вашу заботу и извините за причиненные неудобства, – сказал я искренне.

– Да что вы, сэр, я всего лишь выполняю свою работу, – возразил Оливер, – а вот вам надо отдать должное за то, что вы спасли эту бедную птицу от неминуемой гибели, в сугробе она вряд ли дожила бы до утра.

Мы распрощались и разошлись: я с Нероном отправился на виллу, а Оливер с вороном на руках направился в свой кабинет. Прошло две недели, в течение которых я ежедневно навещался в кабинет ветеринара, где проходил курс реабилитации мой подопечный, и кормил его с рук всякими лакомствами, которыми снабжал меня Оливер. Вскоре ворон, которого я решил назвать Сэмом, окреп настолько, что мне разрешили забрать его с собой. И к моим домочадцам прибавился еще один персонаж, которого я, к великому недовольству Жако, поселил в его клетку. Стоит отметить, что Оливер оказался опытным профессионалом и так хорошо вылечил ворона, что вскоре он уже мог летать. Но это произошло не сразу. Некоторое время я кормил ворона в клетке, чтобы он привык к помещению, предварительно натянув на руки замшевые перчатки, но перчатки я надевал не в целях защиты (при желании Сэм мог спокойно сломать мне палец одним ударом своего мощного клюва). Просто я случайно заметил, что когда я надевал эти перчатки, ворон становился как шелковый. Не хочу врать, но мне кажется, что он запомнил, как руки в этих перчатках вытаскивали его из-под снега и согревали его. Возможно, он запомнил эти перчатки, когда я навещал его в кабинете Оливера и, держа на коленях, кормил его с рук... не знаю, в чем была причина, но когда я надевал эти перчатки, он сразу подходил ко мне и с готовностью брал из моих рук все, что я давал ему поесть. Кстати, вопреки устоявшемуся мнению, что взрослого ворона практически невозможно приручить, Сэм оказался приятным исключением из правил. Вскоре наступила весна, и я стал выводить Сэма на воздух, где он наконец смог продемонстрировать мне свой первый полет. Совершив несколько прыжков по дорожке он, взмахнув крыльями, взлетел и, плавно набрав высоту, долго кружил над виллой. Я уж было подумал, что он улетит навсегда, но Сэм, сделав пару кругов над фермой, вернулся ко мне и, к моему великому удивлению, сел ко мне на руку с надетой перчаткой, когда я вытянул ее перед собой.

С тех пор я стал каждый день выезжать на прогулку по окрестностям вместе с Сэмом, который сопровождал меня сидя на моей руке или паря в воздухе над моей головой.

Был конец апреля, когда одним теплым воскресным днем я выехал на опушку леса, где повстречал Джона, который ехал медленным шагом верхом на коне по проселочной дороге. Мы поздоровались и остановили лошадей, чтобы побеседовать, но не успели перекинуться и парой слов, как Сэм вдруг резко взлетел с моей руки и взмыл в воздух. Покружив над нами, он полетел, направляясь на север, но немного отделившись, вскоре вернулся и, сделав круг над нашими головами, вновь направился на север.

– Вам не кажется, сэр, что он приглашает нас следовать за ним? – сказал управляющий, понаблюдав за маневрами Сэма.

– Думаю, вы правы, Джон, – согласился я с собеседником, и мы направили своих лошадей на север, следуя за Сэмом. Спустя полчаса мы подъехали к тому месту, над которым кружил наш провожатый. Там оказалась гигантская сосна, в кроне которой на развилке ее ствола я заметил большое гнездо, куда спустя некоторое время опустился Сэм. «Вот и нашел он свой дом», – подумал я с грустью, потому что Сэм вряд ли вернулся бы к прежней жизни после того, как нашел свое гнездо. Тем временем Джон привлек мое внимание, указывая вытянутой рукой на трехэтажное строение, что виднелось неподалеку.

– Удивительно, сэр, но я как раз направлялся в этот госпиталь, когда вы меня остановили, – сказал он, глядя на меня.

– Болен кто-то из ваших знакомых? – поинтересовался я.

– Нет, сэр, – ответил Джон, – в конце каждого месяца я приезжаю сюда, чтобы выяснить у администрации, в чем они нуждаются. Дело в том, что мы снабжаем этот госпиталь свежими продуктами – молоком, мясом птицы, телятиной, куриными яйцами и прочими продуктами питания.

– А какое отношение мой кузен Томми имеет к этому госпиталю? – удивился я.

– К этому госпиталю имеет отношение не только ваш кузен, но и лично вы сами, сэр, – ответил управляющий, чем несказанно меня удивил.

Оказалось, что этот госпиталь был построен и содержался на средства благотворительного фонда Маккензи, учредителями которого являлись я и мой кузен Томас. Только после того, как Джон напомнил мне некоторые подробности, я наконец вспомнил, что несколько лет тому назад Томми, посоветовавшись со мной, учредил какой-то фонд. Честно говоря, я никогда не интересовался деятельностью этого фонда, полностью доверившись интуиции и порывам благородной души моего кузена.

– Раз уж вы оказались здесь, не могли бы вы вместе со мной провести инспекцию подшефного вам учреждения? – спросил Джон и с улыбкой добавил: – Думаю, персонал будет рад поприветствовать своего спонсора.

– Даже не знаю, что и сказать, – ответил я неуверенно, потому что действительно был удивлен и весьма озадачен неожиданным поворотом событий.

В это время у парадного входа госпиталя появился молодой мужчина и взмахом руки поприветствовал управляющего.

– Добрый день, Джон, – прокричал он радостным тоном, – давненько вас не было видно. Заходите и пригласите от моего имени вашего друга, я как раз заварил чудный кофе.

Отказываться от приглашения было уже поздно, и я был вынужден спешиться вслед за Джоном. Вскоре мы уже сидели в просторном кабинете хозяина и наслаждались ароматным бразильским кофе.

После непродолжительной беседы глава медицинского учреждения настоятельно попросил, чтобы мы с Джоном прогулялись с ним по госпиталю.

Оказалось, что Джон успел шепнуть на ухо гостеприимному хозяину, что его учреждение навещил один из главных спонсоров этого госпиталя, вот он и решил продемонстрировать мне свои владения.

Накинув халаты и натянув на обувь бахилы, мы втроем отправились на инспекцию и должен отметить, что я был впечатлен идеальной чистотой и порядком, царившими в этом Храме Асклепия.

Персонал был вышколен, каждый сотрудник был на своем месте и никакой показной суеты, одним словом, в госпитале царила деловая рабочая атмосфера. Оборудование было самое современное и, по словам нашего гида, на данный момент их учреждение ни в чем не испытывало нужды. Бегло осмотрев два этажа, мы наконец поднялись на третий, последний этаж, где находилось Отделение реанимации и интенсивной терапии.

– К счастью, на данный момент это отделение почти пусто, – проинформировал нас глава медицинского учреждения, – за исключением одного пациента.

Подойдя к стеклянной двери, он кивнул головой человеку в синем медицинском костюме, сидевшем в просторной комнате за небольшим столом перед монитором компьютера, а затем открыл дверь.

Признаться, мне не очень хотелось осматривать эту палату, впрочем, как и все предыдущие, но пока мы шли по длинным коридорам, Джон успел мне шепотом объяснить, что глава учреждения просто горит желанием продемонстрировать мне современное оборудование, которое имелось в его госпитале.

Пришлось скрепя сердце войти вслед за провожатым в очередное помещение, уставленное всевозможным оборудованием, где у входа нас встретил лечащий врач. За спиной врача я заметил еще одну дверь, которая открывалась в следующую просторную и светлую комнату, которая и была собственно палатой. На столе перед доктором, рядом с клавиатурой, я заметил небольшой фонарик, которым врачи пользуются для проверки рефлексов зрачка, пейджер, стетоскоп и небольшой молоточек для проверки рефлексов больного.

– Дональд, расскажите, пожалуйста, о состоянии здоровья вашей подопечной мистери Маккензи, – попросил врача глава медицинского учреждения, сопровождая свою просьбу улыбкой, но вдруг спохватился. – Извините, сэр, я забыл вас представить, – сказал он смущенно: – Дональд – один из лучших наших врачей-травматологов, который ведет эту больную со дня ее поступления в наш госпиталь, а мистер Маккензи – один из наших главных спонсоров.

Мы обменялись вежливыми улыбками и рукопожатиями с доктором, после чего он сразу приступил к отчету.

– Пациентка поступила к нам ночью за несколько дней до Рождества в прошлом году... – едва я услышал его слова, как мое сердце начало набирать обороты и вскоре уже бешено колотилось в моей груди... тем временем Дональд продолжал свой отчет: – При осмотре я обнаружил сильный ушиб правой половины ее лица, перелом запястья левой руки и ушиб левой стороны грудной клетки (у нее было сломано три ребра). Кроме того, налицо были все признаки сильного сотрясения мозга: у нее наблюдалась утрата памяти, частая многократная рвота с сильной головной болью и повышенное артериальное давление. Пару раз она впадала в коматозное состояние продолжительностью от двух дней до недели. Пострадавшая до сих пор не помнит прошлых событий, так как присутствует амнезия. Кстати, интересная, на мой взгляд, деталь, сэр: впадая в бесспамятство, она настойчиво звала свою маму и какого-то Гарри, но абсолютно не помнила о них, когда приходила в сознание...

... я сорвался с места и, распахнув дверь, ворвался в палату, где возле открытого окна увидел... Оливию, которая сидела в кресле-коляске и наблюдала за воробьями, что весело прыгали и скакали на подоконнике, собирая какие-то крошки ...

Прошел месяц, в течение которого я не отходил от Оливии ни на шаг. Я поселился рядом с ней в ее палате, сопровождал ее на всех процедурах, и все время рассказывал ей разные истории из нашей совместной жизни. Несмотря на осторожные прогнозы лечащего врача, я не терял надежды, и наконец настал день, когда она со слезами на глазах, глядя на меня, вдруг тихо произнесла мое имя. Вскоре она пошла на поправку, и к началу лета мы начали нашу новую совместную жизнь на ранчо, наслаждаясь обществом друг друга и наших питомцев, один из которых особо способствовал нашему воссоединению. Не будь Нерона, я бы никогда не нашел Сэма, благодаря которому смог найти Оливию. Кстати, вопреки моим опасениям Сэм не забыл меня и ежедневно навещался к нам в гости, а мы с Оливией не забывали кормить его разными вкусностями, которыми нас снабжал Оливер.

...О том, что произошло с Оливией, я мог только догадываться и строить предположения. Вероятнее всего, ее сбила машина, когда она переходила через дорогу. Испугавшись последствий, водитель (вероятнее всего, это был дальнбойщик) отвез жертву несчастного случая не в ближайшую больницу, а подальше от города, чтобы скрыть следы своего преступления. Он, видимо, решил, что сбил Оливию насмерть и поэтому избавился от ее тела, сбросив его на обочину дороги в сельском округе, только когда удалился от Нью-Йорка на достаточно большое расстояние, надеясь, что в случае обнаружения трупа без документов вдали от места происшествия его вряд ли будут искать. Но Оливии повезло: поздно ночью ее обнаружил местный фермер, который возвращался из города на свою ферму, и сразу же доставил ее в близлежащий госпиталь, где ей и была оказана необходимая квалифицированная помощь. Я до конца своих дней буду благодарен своему кузену Томми за то, что он создал этот фонд, благодаря которому я вновь обрел свое счастье. Должен отметить, что я нанял лучшего частного детектива, который рано или поздно найдет мерзавца, который сбил Оливию, но сделал я это не из чувства мести. Просто я считаю, что этот человек должен понести заслуженное наказание.

Я часто говорил о судьбе, но только после случившегося понял, что она испытывает нас не потому, что хочет нам насолить, а затем, чтобы, совершив очередную ошибку, мы в конце концов сделали правильный выбор. Мне кажется, я понял, к чему меня призывала судьба, посылая мне это испытание. Теперь я самым серьезным образом занимаюсь благотворительностью и, построив очередную школу, госпиталь или детскую площадку, получаю огромное удовольствие от проделанной работы. В конце мне хотелось бы сказать пару слов о Сэме: он был последним звеном в длинной цепи обстоятельств, значение которых я не мог понять, пока не дошел до самого конца.